

того, какъ прорывались наружу ея душевныя страданія, въ силу неправильно взваливаемаго на нее обвиненія, Нехлюдовъ все глубже и отчетливѣе проникался сознаніемъ необходимости отстоять ее, насколько это было возможно — помочь ей, признаться въ своей винѣ, просить прощенія и, по мѣрѣ силъ, загладить свой грѣхъ передъ ней. Эта новая задача всей его послѣдующей жизни и произвела въ немъ тотъ душевный переворотъ, который и открылъ ему смыслъ жизни.

Къ этому періоду жизни Нехлюдова относятся и нѣкоторыя колебанія въ возникшемъ уже въ немъ душевномъ переворотѣ: ему казалось временами, что попытки самосовершенствованія безполезны, что все такъ живутъ, какъ онъ жилъ раньше, и стало быть, не къ чему было ломать свою жизнь; но сомнѣнія эти съ тѣмъ большей силой подавлялись голосомъ пробудившагося въ Нехлюдовѣ «свободнаго духовнаго существа, которое одно истинно, одно могущественно, одно вѣчно». Все это были ступени, которыя постепенно вели Нехлюдова къ тому, чтобы, по выражению автора, «дѣлать волю Хозяина написанную въ совѣсти», и когда онъ это дѣлалъ, онъ былъ несомнѣнно спокоенъ. Главнѣйшимъ изъ душевныхъ трудовъ Нехлюдова слѣдуетъ отмѣтить его нравственное воздействиѣ на Маслову и, въ силу этого воздействиѣ, возникшую и въ ней важную для души ея перемѣну.